

Глава 1

Картишки перестроечных лет

До перестройки мы с мужем работали, как говорят, «в науке». Я была младшим научным сотрудником Института общей физики АН СССР, а он — старшим научным сотрудником и руководителем лаборатории в Институте машиноведения той же АН СССР.

В 1992 году я успешно защитила кандидатскую диссертацию, к тому же у меня было двое детей школьного и дошкольного возраста (7 лет и 3 года), а муж Сережа к этому времени уже стал молодым доктором физматнаук. Мы жили в квартире на московской улице Губкина, в пяти минутах ходьбы от работы. Тем не менее я решила в этот момент бросить свою успешно начавшуюся научную карьеру и уйти в неизведанное поле — в бизнес, о котором тогда не имела никакого представления. В то время многие так делали, причем, как ни удивительно, в первую очередь женщины. Мужчины как-то массово дольше сохраняли верность своим первым профессиям. Конечно, Сережа дальше меня продвинулся по научной стезе и ему объективно в тот момент было больше чего терять. Кроме того, он уже участвовал в одном коммерческом проекте под названием «Спецпромтех» по производству сушилок для сахарной промышленности, для различных отходов и т. д. Это приносило семье некоторый дополнительный доход, но не требовало много времени, так что Сережа вполне мог совмещать это занятие со своей основной работой в ИМАШе.

[<<< Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Причины, побудившие меня сменить род деятельности, были такие же, как у большинства женщин того времени, срочно осваивавших новые профессии, — семье попросту нечего было есть. Бытовое положение работающей семейной женщины тогда было весьма незавидным. Да, мы зарабатывали какие-то деньги. Но в магазинах было совершенно пусто — просто шаром покати — голые прилавки. Нынешнее российское поколение уже привыкло к тому, что в магазинах «все есть», хоть и недешево, но, в принципе, даже с маленькой зарплатой с голоду не умрешь. Просто трудно себе представить, как тогда мы выходили с работы в 6 часов вечера, вбегали в ближайший продуктовый магазин и — ВООБЩЕ НИЧЕГО! Зато у пустого прилавка стоит бойкая очередь бабок-пенсионерок, которые ждут, что «вдруг что-нибудь выкинут». Эти бабки стояли там с утра до вечера — даже сейчас на пенсии для многих основное событие дня — поход в магазин. А тогда они просто целый день там торчали, сменяясь, занимая очередь для себя и для трех подружек, мгновенно расхватывая все, что в течение дня «выкидывали» на прилавок, оттаскивали добычу домой и снова занимали очередь — вдруг опять «выкинут». Работающая женщина с детьми оказывалась в заведомо проигрышной ситуации, если не могла уходить с работы днем и делать то же самое, что пенсионерки, и если ей не помогала с закупками какая-нибудь «собственная пенсионерка» из членов семьи. Вечером продукты практически невозможно было купить. Даже если вдруг каким-то чудом их «выкидывали» именно в тот момент, когда я туда пришла, передо мной уже стояла длинная горластая очередь, на глазах начинавшая распухать оттого, что к каждой бабке подходили две-три ее подружки, для которых она «заняла место» заранее. Даже достоявшись до вожделенного прилавка, нельзя было взять много, с запасом — существовало твердое правило: «не больше килограмма (пачки, упаковки) продукта в одни руки», и очередь бдительно следила за его соблюдением. Заявления о том, что «у меня семья, дети», тут же пресекались воплями: «У всех семья!», «Мы, пенсионеры, здесь с утра стоим!..» (чистая правда, замечу), «Ишь, какая деловая!» (загадочное, но очень оскорбительное заявление) и т. д.

Это я обрисовала ситуацию с продуктами питания. Что касается одежды и других промтоваров, то действовать надлежало иначе. Неподалеку от нас находился универмаг «Москва», который в то время был одним из крупнейших магазинов столицы, теоретически с очень широким ассортиментом «товаров народного потребления», как тогда говорили. На практике в нем уже давно ничего нельзя было купить без серии специальных действий, которые я сейчас опишу.

Магазин открывался в 8 утра. Надо было прийти примерно за час до этого, чтобы быть одним из первых в довольно большой толпе, которая собиралась к открытию. К 8 часам толпа уже плотно прижимала передний ряд людей животом к стеклянным дверям, и надо было с умом выбрать себе место, потому что двери открывались наружу и часть прижатых к ним людей при этом отодвигалась на периферию, и наоборот, возникало некоторое преимущество для людей, стоящих во втором ряду, но близко к ручке двери.

Кроме того, дверей в магазине было три — одна спереди и две по бокам. И открывали их по очереди, поэтому очевидное преимущество возникало у той толпы, которая угадала (или смогла узнать заранее), какая именно дверь будет открыта первой. После открытия дверей надлежало ворваться в магазин в числе первых и бегом мчаться по лестнице в тот отдел, куда ночью или утром подвезли товар. Конечно, со стороны работников магазина шла активная торговля информацией о том, что именно «подвезут», в каком отделе этот товар будет продаваться и какую дверь откроют первой. Наша семья ни с кем из «магазинщиков» знакома не была, поэтому приходилось полагаться на удачу. Однако это мероприятие даже при удаче требовало таких запасов физических сил и выносливости, что я не рисковала сама принимать в нем участие. На эти утренние дежурства у магазина ходил Сережа, пока я отводила детей в детский сад и т. д.

Добравшись до прилавка, Сережа обнаруживал, например, что брюки или шапки продаются не того размера, который ему нужен. Если речь шла о женской одежде, то, конечно, приходилось

покупать тот фасон и цвет, который «был налицо», ориентируясь на мои весьма общие указания, что мне нужен, например, «теплый свитер» или «не очень длинная куртка» (!). В принципе, он старался и не браться за поручения, связанные с приобретением одежды, а покупал больше «нейтральные» предметы, которые тоже были нужны, например туалетную бумагу, стиральный порошок, мясорубку, электролампочки и пр.

Куртки мы шили сами из обрезков болоньи и парашютного шелка, купленных в магазине «Мерный лоскут», а для тепла вставляли внутрь синтепоновые полоски, подобранные на промышленной свалке среди отходов какой-то одежной фабрики. Сережа знал, где находится эта свалка, и иногда они с приятелями ездили туда собирать такие полоски. Тогда там постоянно паслось довольно много народа. Конечно, что-то я шила для детей, много вязала (нитки тоже надо было покупать с боем). Хуже всего было с обувью и колготками, так как их мы делать сами не умели. Поэтому конкретно «сапоги женские размер 37» Сереже приходилось добывать именно вышеописанным способом в магазине «Москва».

Тут надо заметить, что в нашей семье никто никогда не был «помешан на моде» и мы легко обходились самодельной одеждой, совершенно не страдая от отсутствия в нашем гардеробе модных брендов и т. д. Моя двоюродная сестра Шаганка, напротив, очень серьезно относилась к своей внешности и одежде, тратила уйму времени, сил и денег на подбор правильного гардероба и, конечно, не могла удовлетвориться таким качеством, которое меня вполне устраивало. Я помню наш с ней разговор, относящийся как раз к той эпохе. Она показывала мне какую-то суперкофточку, купленную у спекулянтов за немыслимые для меня 50 рублей (у меня тогда вся зарплата была, кажется, 120 рублей), и я заметила, что, мол, охота тебе такие деньги тратить, покрой очень простой, купила бы материю за 15 рублей, посидела бы вечер за швейной машинкой, и была бы у тебя кофточка за 15 рублей. Она, как я помню, фыркнула и сказала, что тогда бы кофточка и выглядела на 15 рублей, а не как «настоящая фирменная вещь». Конечно, сестра была права, просто для меня

в этом не было трагедии — я самоутверждалась совершенно другими способами и отсутствие «фирменной одежды» нимало не снижало мое самоуважение. А у очень многих людей снижало, и это действительно было проблемой для моего поколения в те времена.

Для тех, кто зарабатывал побольше, был такой выход — иметь знакомство со спекулянтом, который доставал нужные шмотки, а еду покупать на рынке, где «все было», но по более высоким ценам. (Удивительно с позиций сегодняшнего дня, не правда ли? А тогда, наоборот, мы удивлялись, как это так — на Западе, говорят, все на рынках дешевле, чем в магазине. Этого же не может быть! На рынке все свежее, а в магазине должно быть все или мороженое-перемороженое или слегка гниловатое. Как же на рынке может быть дешевле?)

В общем, для покупки продовольствия на рынке наших заработков не хватало, и я помню, как очень страдала, например, от того, что несколько месяцев не видела ни кусочка сыра. А фотография, на которой были изображены одновременно несколько сортов копченой колбасы, представлялась мне не совсем реальной, как фотография поверхности Венеры. Некоторые продукты, например банку растворимого кофе, или килограмм хороших конфет, или даже этот самый батон колбасы (но одного какого-то сорта, заранее не известного и без возможности выбора), можно было купить в виде «праздничного продовольственного заказа» через профком на работе, но и тогда это было делом не очень надежным и скандальным, потому что «заказов» всегда было меньше, чем желающих. Их делили, разыгрывали, надо было записываться в какие-то списки в профкоме и т. д.

Отдельная история была с водкой. Несмотря на то что в нашей семье никто практически не пьет, водка была остро необходима, причем в достаточно больших количествах. В то время она была валютой и именовалась «жидкий доллар». Многие вещи, которые в принципе невозможно было достать за деньги, довольно легко обменивались на водку. Наиболее показателен пример с поездкой на нашу дачу, которая располагалась под Великим Новгородом,

на озере. Там не было проезжей дороги. Можно было доехать на автобусе до противоположного берега озера, а затем просить местных лодковладельцев перевезти на другой берег в деревню Балуево. Так вот, никто из лодочников не соглашался ехать за деньги, даже за большие. Только «за бутылку»! И так было во многих случаях, вплоть до оказания медицинской помощи (хотя я лично с этим не сталкивалась).

В общем, водка была крайне необходима. При этом на нее выдавали талончики — кажется, на две бутылки на взрослого члена семьи в месяц. Но в то же время нужно было в обмен сдать пустые бутылки из-под водки, иначе ее не продавали. Тогда каким-то загадочным образом в стране начисто исчезла вся стеклотара. И утверждалось, что якобы заводу не во что будет разливать свою водку, если он не обменяет у населения уже разлитые бутылки на пустые прямо в момент совершения акта купли-продажи. Люди собирали эти талончики и пустые бутылки (хранили их обычно на балконе) и подкарауливали момент, когда в магазин завезут водку, чтобы «подсуетиться» (было тогда такое выражение) и обменять талончики и стеклотару на «жидкий доллар».

Помню, что одно время очень уж долго никому из нашей семьи не удавалось удачно подловить момент продажи водки в каком-нибудь окрестном магазине. На балконе скопилось множество пустых бутылок (ведь, например, пепси-колу и многое другое разливали в такие же бутылки, как и водку, поэтому бутылки все-таки можно было накопить, даже если ты не являлся записанным алкоголиком). Талончиков у меня тоже много насобиралось, а водку в нашем районе все «не выкидывали». И вдруг звонит соседка — прошел слух, что в наш универсам перед самым обедом пришел грузовик с водкой и после обеда ее «выкинут»! Надо срочно собираться и бежать занимать очередь. Мы побежали и увидели там огромную бушующую толпу. Оказывается, администрация магазина попыталась опровергнуть слухи о приехавшем грузовике с водкой и заявила, что это ошибка и никакой водки не будет. Но не тут-то было — народ был уже опытный в таких делах и провести его было не так-то просто. Мгновенно

нашлись свидетели, которые «своими глазами все видели», и стихийные вожаки-организаторы, которые устроили дикий скандал и стали обвинять администрацию магазина в намерении скрыть факт прихода грузовика и распродать всю водку по тройной цене «своим людям» из-под полы (вполне возможно, что так оно и было). К нашему приходу страсти накалились так, что часть толпы пыталась перекрыть ближайшую проезжую улицу, чтобы «привлечь внимание властей к этому безобразию», а часть пробовала силой проникнуть во внутренние помещения магазина.

Наконец администрация сдалась и подтвердила, что водка сейчас поступит в продажу. Моя соседка заняла очередь, а я побежала домой за своими и ее бутылками и талончиками. Я вернулась через полчаса, волоча два огромных баула с пустыми бутылками (кажется, бутылки почему-то принимали из расчета три пустых в обмен на одну полную — видимо, заводы хотели восстановить стратегические запасы стеклотары). Прихожу и вижу: соседка уже достояла в очереди почти до самого прилавка, перед ней осталось человека три-четыре. Она увидела меня на другом конце торгового зала, запруженного гудящей толпой, и стала кричать, чтобы я скорее лезла к ней через толпу, потому что у нее при себе нет ни талончиков, ни бутылок, а очередь вот-вот подойдет. Я понимала, что, если не успею, соседку просто выкинут из очереди.

И вот я полезла с двумя тяжеленными баулами через толпу. В тот момент, когда я уже начала пробиваться, какой-то человек в середине толпы попытался просочиться к прилавку без очереди, его оттащили, повалили и начали бить. И вот я лезу, вокруг кипит драка, под ногами лежат какие-то люди, кто-то их куда-то тащит — ужас! Посмотрели бы на эту картину те, кто теперь ругает наступивший у нас «дикий капитализм»! Ей-богу, стоит сравнить, что все-таки хуже!

В общем, я все же пролезла, успела вовремя, и мы с соседкой благополучно «отоварились». Но эту сцену я, надо сказать, до сих пор очень живо помню.